

УДК 94 (476)

**ОБРЯД ИНТРОНИЗАЦИИ ПОЛОЦКИХ КНЯЗЕЙ
(В КОНТЕКСТЕ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОГО ОБРЯДА ДРЕВНЕЙ РУСИ)****канд. ист. наук Ю.Н. КЕЖА
(Полоцкий государственный университет)**

На основе летописных сообщений о церемонии интронизации в Древней Руси рассматривается процедура занятия княжеского стола в Полоцкой земле. Делается вывод, что интронизация полоцких князей осуществлялась в соответствии с общей политической традицией древнерусских земель и по отдельным церемониальным действиям совпадает с обрядом интронизации в Киеве и Новгороде.

Ключевые слова: княжеская власть, княжеский стол, интронизация, Древняя Русь, Полоцк.

Введение. При исследовании процессов формирования средневековой государственности центральная роль отводится княжеской власти. С властью князя, которая является базовым звеном политической системы, связана эволюция государствообразующих процессов: налогово-данические отношения, судебная система, аппарат управления и принуждения, система властной иерархии.

Наиболее полно восприятие власти князя в средневековом обществе отразилось в церемониальных действиях, главное из которых – занятие княжеского стола (интронизация)¹. При этом церемония «посаждения на стол» в Древней Руси, при обилии письменных сведений об этом явлении, довольно редко привлекала внимание исследователей.

Впервые специально к проблеме интронизации в Древней Руси обратился в 80-х гг. XX в. польский исследователь А.В. Поппэ. Обряд интронизации рассматривался им как непосредственное отражение византийской политической традиции. Время возникновения церемонии – конец X в., когда киевский князь Владимир Святославич (978–1015) принимает крещение и распространяет новую веру на землях Руси. По мнению исследователя, интронизация киевского князя была принесена на Русь благодаря жене Владимира, сестре византийских василевсов, Анне (963–1012), а сам обряд носил церковный характер. Также, А.В. Поппэ впервые обратился к теме местонахождения «княжеского стола» как конкретного объекта. По его мнению, с конца X в. княжеский стол находился в киевской Десятинной церкви, затем, при Ярославе Владимировиче (1019–1054) был перенесен в Софийский собор [1, р. 272–274].

К проблеме интронизации древнерусских князей обращался украинский исследователь А.П. Толочко в монографии 1992 г., посвященной княжеской власти в Древней Руси. По мнению исследователя, до принятия Русью христианства не существовало специального обряда, который бы санкционировал вступление князя на престол. Историк солидаризируется с А.В. Поппэ в том, что обряд настолования имеет церковно-византийскую традицию. При этом древнерусские представления родового владения наложили на эту процедуру определенный отпечаток, учитывая, что государственная идеология Византии не знала права наследования власти. Соглашается А.П. Толочко с А.В. Поппэ и в том, что упоминание в летописях «стола» указывает на конкретный предмет – княжеский престол. Согласно выводу А.П. Толочко, практику «посаждения на стол» вводит киевский князь Ярослав Владимирович. В отличие от А.В. Поппэ, украинский исследователь считает, что изначально княжеский стол был установлен на Ярославовом дворе, а в конце XI в. был перенесен в собор Св. Софии, после чего церковный церемониал становится обязательным [2, с. 140–149].

Отдельная статья, посвященная обряду интронизации киевских князей, была опубликована в 2008 г. киевским историком В.М. Рычкой. Соглашаясь с предыдущими исследователями, В.М. Рычка считает, что обряд интронизации сформировался под византийским влиянием и по источникам прослеживается с XII в. Процедура состояла из трех частей: торжественной встречи князя около киевских Золотых ворот, богослужения в храме Св. Софии с возведением князя на престол («посаждение на стол»), заканчивалась церемония пиром на Ярославовом дворе. Историк сделал подробное описание процедуры интронизации, с определением городских топосов, связанных с этим обрядом, и их осмыслением сквозь призму христианской традиции. Исследователь соглашается с положениями А.В. Поппэ относительно наличия и местонахождения княжеского стола [3, с. 118–127].

На сегодняшний день, наиболее полное и подробное исследование обряда интронизации было проведено московским историком К.С. Гвозденко. В отличие от предыдущих исследователей, К.С. Гвозденко проанализировала все данные летописных источников, которые содержат информацию о процедуре воз-

¹ Термины «интронизация», «настолование», «вокняжение» как и выражение «посаждение на стол», отражают процесс церемониальных действий, связанных с получением правителем властных функций, и используются в статье как синонимы.

ведения князя на престол в домонгольский период. Как и отмеченные выше исследователи, историк считает летописное упоминание о «столе» указанием на непосредственный объект, который отождествлялся с вокняжением правителя. При этом, исследователь делает выводы, которые некоторым образом расходятся с положениями указанных выше авторов. До середины XII в. процедура интронизации носила по большей части светский характер и посажение на стол происходило на княжеском дворе. Только с распространением с середины XII в. церковной церемонии, обряд интронизации переносится в храм. Кроме этого, исследовательница приводит параллели церемонии интронизации в славянских государствах, внимательно анализируя возведение на престол чешских правителей XI – XII вв., где обнаруживает определенные аналогии с древнерусским материалом [4, с. 17–35].

Исходя из краткого анализа историографии по проблеме интронизации в Древней Руси, следует констатировать, что отмеченные исследования были посвящены процедуре возведения на киевский великокняжеский стол. Обряд вокняжения в других городах Руси практически не затрагивал внимания исследователей. Несмотря на то, что летописные упоминания о великокняжеском столе как месте обретения верховной власти в большинстве случаев касаются Киева, отдельные сообщения указывают об обряде интронизации в других городах Руси: Полоцке, Новгороде, Чернигове, Ростове, Смоленске, Владимире на Клязьме, Галиче, Берестове, Рязани (таблица 1). Таким образом, можно сделать вывод о наличии обряда интронизации в других древнерусских городах XI – XII вв., во многом аналогичном Киеву.

Таблица 1. – Упоминания «посажения на стол» князей в древнерусских летописях (XI – XII вв.)

	Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись	Новгородская первая летопись младшего извода
Киев	6524 (1016); 6584 (1076); 6586 (1078); 6601 (1093); 6648 (1138); 6657 (1149); 6662 (1154); 6676 (1168)	6524 (1016); 6584 (1076); 6586 (1078); 6601 (1093); 6621 (1113); 6634 (1126); 6654 (1146); 6657 (1149); 6658 (1150); 6659 (1151); 6662 (1154); 6668 (1160); 6677 (1169); 6679 (1171); 6681 (1173); 6682 (1174); 6683 (1175); 6688 (1180); 6702 (1194)	6524 (1016); 6577 (1069); 6621 (1113); 6633 (1125); 6640 (1132); 6654 (1146); 6662 (1154); 6663 (1155); 6665 (1157); 6667 (1159); 6675 (1167); 6679 (1171)
Новгород	–	6649 (1141); 6650 (1142); 6686 (1178)	6625 (1117); 6633 (1125); 6647 (1139); 6666 (1158); 6685 (1177); 6686 (1178); 6688 (1180); 6692 (1184); 6695 (1187); 6705 (1197); 6707 (1199)
Чернигов	6532 (1024); 6659 (1151)	6532 (1024); 6659 (1151); 6706 (1198)	–
Полоцк	6552 (1044);	6552 (1044); 6667 (1159)	–
Ростов	6665 (1157); 6683 (1175)	6683 (1175)	–
Смоленск	–	6688 (1180)	–
Владимир на Клязьме	6685 (1177)	6666 (1158); 6683 (1175); 6684 (1176)	6682 (1174)
Галич	–	6695 (1187); 6698 (1190)	–
Берестово	6581 (1072)	6581 (1072)	6581 (1072)
Рязань	–	6653 (1145)	–

Не смотря на значительное внимание к проблеме формирования государственности на землях белорусского Подвинья и актуализации изучения характера и принципов функционирования институтов власти в Полоцкой земле, в белорусской историографии малоисследованной остается проблема легитимации княжеской власти. В белорусской медиевистике единственными исследователями, кто обратил внимание на обряд посажения на стол в Полоцке, были Г.В. Штыхов и И.А. Марзалюк. В монографии «Древний Полоцк», Г.В. Штыхов впервые указывает на существование в Полоцке обряда настолования князя. В качестве примера, ученый ссылается на сообщение Ипатьевской летописи от 6657 (1159) г., где упоминается о повторном вокняжении в Полоцке Рогволода Борисовича (ум. после 1171)² [5, с. 17]. И.А. Марзалюк указывал на возможное существование обряда интронизации в Полоцке с богослужением в храме Св. Софии и последующими церемониальными действиями на княжеском дворе [6, с. 217–219].

Данное исследование посвящено анализу церемонии интронизации полоцких князей Рогволодовичей, которое прослеживается по летописным сообщениям с середины XI в. Учитывая, что информация об

² Полоцкий князь в 1144–1151 и 1159–1162 гг.

обряде посажения на стол в Полоцке лаконична, сделать этот анализ можно только в связи с рассмотрением сообщений о Полоцке в древнерусском контексте.

Основная часть. Полоцкая земля являлась государственным образованием с автономной от Рюриковичей династией Рогволодовичей и специфическими чертами политического строя (широкие полномочия князя при значительной роли вечевого управления). Однако общие политические, социально-экономические и культурно-религиозные составляющие государственного развития Полоцка формировались во взаимосвязи с общедревнерусскими процессами X – XII вв. В этой связи атрибуты репрезентации власти в Полоцке имеют аналогии с Киевом и другими городами Руси.

Древнерусский термин «стол» употребляется в значении «трон», «престол» и уверенно отождествляется с понятием «власть», «владение» [7, с. 625]. Можно утверждать, что княжеский стол как объект церемониальных практик существовал при Владимире Святославиче. Об этом свидетельствуют надписи и изображения на первых древнерусских монетах – златниках и серебряниках Владимира Святославича (конец X в.). На монетах всех четырех типов на лицевой стороне размещена надпись: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ. На серебряниках II, III и IV-го типов помещены изображения престолов (со спинкой – III тип, без спинки – II и IV типы). Изображение стола и надпись СВЯТОПОЛКЪ НА СТОЛЕ помещена на серебряниках Святополка Яраполчича (ок. 979–1019, чеканка 1015–1016), который занял Киев после смерти Владимира [8, с. 415–421].

Княжеский стол как объект связанный с обрядом приобретения власти в Древней Руси по письменным источникам фиксируется с 1015 г. В «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) упоминается о предложении киевской дружины Борису (ок. 990–1015) занять Киев после смерти его отца Владимира Святославича: «*поиди сади Къѣвъ на столѣ вѣни*» (здесь и далее выделено мной – Ю.К.) [9, Стб. 132]. Первое летописное упоминание про обряд посажения на стол в Киеве относится к 1016 г., когда Ярослав Владимирович после победы над Святополком при Любече: «*сѣде Къѣвъ на столѣ вѣни и дѣдни*» [9, Стб. 142].

Первое упоминание о посажении на стол в отдельном от Киева центре Руси относится к 1024 г. Под этим годом сообщается о вокняжении в Чернигове тмутараканского князя Мстислава Владимировича (ок. 980–1036): «*внѣ же (Мстислав Владимирович – Ю.К.) шедѣ сѣде на столѣ Черниговѣ ... раздѣлиста по Днѣпру Русьскую землю . Ярославъ прие сю сторону . а Мьстиславъ вну*» [9, Стб. 147, 149]. В результате противостояния между Мстиславом и Ярославом Владимировичами территория Руси была разделена по Днепру и до смерти Мстислава (1036 г.) Чернигов являлся самостоятельным от Киева политическим центром. Упоминания отдельного черниговского стола подчеркивает этот факт. С 1036 г. владения Мстислава вместе с Черниговом отходят Ярославу, а информация о черниговском столе снова встречается в летописях только под 6659 (1151) г. уже в период существования удельных княжеств [9, Стб. 334; 10, Стб. 440].

Следующее сообщение о посажении на княжеский стол в XI в. относится к 6552 (1044) г. и связано с началом полоцкого правления Всеслава Брючиславича (1044–1101): «*оумре Брячиславъ . снѣ Изаславъ вьнукъ Володимерь . вѣѣ Всеславъ . и Всеславъ снѣ ѣго сѣде на столѣ ѣго*» [9, Стб. 155].

К середине XI в. Полоцкая земля превращается в государственное образование с династией Рогволодовичей имеющее автономный от Киева политический статус. Можно предположить, что уже с первой четверти XI в. полоцкий князь Брючислав Изяславич (1003–1044) выступал как полноправный сюзерен Полоцкой земли и этот статус признавался киевским князем Ярославом Владимировичем. События 20-х гг. XI в. говорят о равноправных отношениях Полоцка и Киева [11, с. 137; 12, с. 99]. Вместе с тем, в конце X – первой половине XI в. происходит 20-кратное увеличение городской территории Полоцка. Площадь города к середине XI в. достигала 200 га, что делало Полоцк наибольшим по площади городом на землях Древней Руси [13, с. 23–26]. Исходя из анализа политических событий первой четверти XI в., становления на Полоцкой земле обособленной от Рюриковичей княжеской династии, территориального роста Полоцка и преобразования его в крупнейший городской центр Руси, выделения Полоцкой земли из общей системы владений Рюриковичей и окончательное оформление на территории Подвинья государственной организации, можно утверждать об особом статусе полоцкого князя – Брючислава Изяславича. Свидетельством того, что при Брючиславе существовала церемония настолования, является приведённое выше летописное сообщение о вокняжении в Полоцке его сына Всеслава: «*и Всеславъ снѣ ѣго сѣде на столѣ ѣго*» (Брючислава Изяславича – Ю.К.).

Таким образом, сообщения о выделении княжеских столов и, вероятно, существовании обряда интронизации в Чернигове (1024 г.) и Полоцке (1044 г.) подтверждают особый статус этих городов как центров обособленных от Киева земель, а также статус князей, которые в этих городах правили.

Со смертью Ярослава Владимировича в 1054 г. основная территория Руси была разделена между тремя братьями, сыновьями Ярослава, – Изяславом (1054–1078), которому достался Киев и Новгород; Святославом (1073–1076), который получил Черниговское княжество, Тмутаракань, Муром, Рязань; Всеволодом (1078–1093), к которому отошли Переяславль (Южный), Курск и Ростовская земля. Таким образом, на Руси устанавливается триумvirат. В дальнейшем потомки братьев-князей будут считать эти города своим наследием и вести за них упорную борьбу с родственниками из династии Рюриковичей. Это непосредственным образом отразится на упоминаниях княжеского стола в летописях. Так, под 6602 (1094) г.

упоминается переяславский княжеский стол как вотчина Владимира Мономаха (1053–1125): «Володимеръ же створи И миръ съ Сѣлгомъ . и иде из града на столь итень Переяславлю . а Сѣлгъ вниде в градъ ѿца своего» (Чернигов – Ю.К.) [9, Стб. 226].

Во второй половине XII в. в Древней Руси существовало около 10 государственных образований [14, с. 43]. С выделением особого статуса Новгорода (Новгородской вечевой республики), стол, как место посажения князя в Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НЛМл) упоминается 15 раз (таблица 2). По этому показателю, согласно сообщениям НЛМл, его превосходит только Киев (16 раз). Со второй половины XII в. приобретает политическую силу Владимиро-Суздальское княжество. Обряд посажения на стол в этом городе упоминается под 6668 (1158) г.; 6683 (1175) г.; 6684 (1176) г. [10, Стб. 490, 597, 602]. С конца XII в. крупными государственными образованиями становятся Смоленская земля и Галицкое княжество (с конца XII в. – Галицко-Волынское). Очевидно, это отражается на оформлении обряда княжеского наставления. В Смоленске посажение на стол упоминается под 6688 (1180) г., Галиче – под 6695 (1187) и 6698 (1190) гг. [10, Стб. 616; 657; 666]. В этой связи подчеркивается и особый статус Полоцка и Полоцкой земли. Под 6667 (1159) г. сообщается о повторном вокняжении в городе Рогволода Борисовича [10, Стб. 496].

Таблица 2. – Упоминания княжеского стола в древнерусских летописях (XI – XII вв.)

	Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись	Новгородская первая летопись младшего извода
Киев	6523 (1015); 6524 (1016); 6562 (1054); 6584 (1076); 6586 (1078); 6601 (1093); 6604 (1096); 6648 (1138); 6657 (1149); 6658 (1150); 6652 (1154); 6676 (1168)	6523 (1015); 6524 (1016); 6562 (1054); 6584 (1076); 6586 (1078); 6601 (1093); 6604 (1096); 6621 (1113); 6634 (1126); 6654 (1146); 6657 (1149); 6658 (1150); 6659 (1151); 6662 (1154); 6668 (1160); 6677 (1169); 6679 (1171); 6680 (1172); 6681 (1173); 6682 (1174); 6683 (1175); 6688 (1180); 6702 (1194); 6707 (1199)	6523 (1015); 6524 (1016); 6562 (1054); 6577 (1069); 6621 (1113); 6625 (1117); 6633 (1125); 6640 (1132); 6654 (1146); 6662 (1154); 6663 (1155); 6665 (1157); 6666 (1158); 6667 (1159); 6675 (1167); 6679 (1171)
Новгород	–	6649 (1141); 6650 (1142); 6686 (1178);	6625 (1117); 6633 (1125); 6634 (1126); 6646 (1138); 6647 (1139); 6649 (1141); 6666 (1158); 6676 (1168); 6685 (1177); 6686 (1178); 6688 (1180); 6692 (1184); 6695 (1187); 6705 (1197); 6707 (1199)
Чернигов	6532 (1024); 6659 (1151)	6532 (1024); 6659 (1151); 6706 (1198)	–
Полоцк	6552 (1044)	6552 (1044); 6667 (1159)	–
Переяславль (Южный)	6602 (1094)	6602 (1094)	–
Ростов	6665 (1157); 6683 (1175)	6683 (1175)	–
Смоленск	–	6688 (1180)	–
Владимир на Клязьме	6685 (1177)	6666 (1158); 6683 (1175); 6684 (1176)	6682 (1174)
Галич	–	6695 (1187); 6698 (1190)	–
Берестово	6581 (1073)	6581 (1073)	6581 (1073)
Рязань	–	6653 (1145)	–

В связи с выделением отдельных земель как политических образований, а также установлением в некоторых из их собственных княжеских линий Рюриковичей, статус правителей в центрах княжеств легитимизируется обрядом интронизации. Показательно, что обряды посажения на стол наиболее часто встречаются в летописях со второй половины XII в., именно тогда, когда процесс политического дробления происходит наиболее интенсивно. При этом среди древнерусских городов выделяется Полоцк, где первое упоминание о княжеской интронизации относится к 1044 г., практически на столетие раньше, чем в большинстве остальных городов Руси.

При рассмотрении символических действий утверждения князя в своих правах, следует отметить, что эта процедура не была регламентирована правовыми нормами и должным образом не отразилась в письменных источниках [15, с. 9]. Однако отдельные летописные сообщения, где говорится о ритуальных действиях во время занятия правителем княжеского стола, могут служить гипотетической реконструкцией обряда древнерусской интронизации.

Наиболее полно, ритуальные действия интронизации описаны в Ипатьевской летописи под 6702 (1194) г. когда киевский великокняжеский стол получил Рюрик Ростиславич (1140–1212): «и погъха Рюрикъ Къievoу .

изидоша противоу емоу со крѣты митрополитъ игоумени вси . и Кисени вси ѿ мала и до велика . с радостью великою . Рюрикъ же вшедь во стѣбую Софью . и поклониса стѣбу Спѣбу и стѣги Бѣѣ . и съде на столѣ дѣда своего . и ѿца своего . славою и съ чѣтью великою . и върадоваса вса Роускае землѣ . и княженъи Рюриковѣ» [10, Стб. 681]. Подобное описание встречается под 6654 (1146) г. при вокняжении в Киеве Изяслава Мстиславича (1090-е – 1154): «с великою славою и чѣтью въѣха в Киевѣ (Изяслав – Ю.К.) и въидоша противоу емоу множество народа . игоумени съ черноризыци . и попове всего города Киева в ризахъ . и приѣха къ стѣбу Софьи . и поклониса стѣбу Бѣѣ и съде на столѣ дѣда своего и ѿца своего» [10, Стб. 327].

Сопоставляя два сообщения, можно утверждать, что по крайней мере за 50 лет обряд интронизации не изменился. По всей вероятности, основные его процедуры существовали ранее, в XI в. Среди основных церемониальных действий следует выделить следующие: встреча князя духовенством и населением за пределами города; богослужение в главном храме; прославление князя народом; занятие правителем княжеского двора. Видимо, завершающим этапом общего ритуала был пир в княжеской резиденции [15, с. 14 – 15].

Самое информативное сообщение о церемонии посажения на стол в Полоцке находится в Ипатьевской летописи под 6667 (1159) г. Полочане выгоняют из города Ростислава Глебовича (ум. 1165)³, а вместо него приглашают на княжение Рогволода Борисовича. Перед тем как занять полоцкий стол, Рогволоду оказывают поддержку жители Друцка и князь входит в город: «и въѣхаша противу ему боле . тѣ (300) лодии . Дръючанъ и Полчанъ и вниде в городъ с чѣтью великою . и ради бѣшиа ему людие . а Гльба Ростиславича (из Полоцка – Ю.К.) въгнаша . и дворъ его разграбиша . горожане . и дружину его» [10, Стб. 493]. Фраза, «и въѣхаша противу ему боле . тѣ (300) лодии . Дръючанъ и Полчанъ и вниде в городъ с чѣтью великою» по смыслу аналогична сообщениям о начале ритуала интронизации («и въидоша противоу емоу множество народа») и соответствует торжественной встрече князя за пределами города и последующий вход в городское пространство. О самом вокняжении Рогволода в Полоцке летописец сообщает следующее: «и вниде Рогъволодъ Полотьску мѣца июла . и съде на столѣ дѣда своего . и ѿца своего . с чѣтью великою . и тако бѣшиа ради . Полчане» [10, Стб. 493].

Таким образом, сравнивая это сообщение с упоминаниями о вокняжениях в других землях, следует отметить, что церемония интронизации полоцкого князя имеет сходства с Киевом, Новгородом и другими городами Руси. Начинается ритуал со встречи князя полоцким нобилитетом, епископом и городским духовенством за пределами города. Князь торжественно входит в городское пространство, где его приветствуют жители. Затем происходит богослужение в главном храме Полоцка – соборе Св. Софии. Кульминационной фазой ритуала было посажение полоцкого князя на стол (престол) – действие, которое легитимизировало его власть в глазах населения и духовенства. «Закреплением» властных полномочий был пир в княжеском детинце с участием городского боярства и духовенства. Вероятно, пир сопровождался раздачей материальных ценностей.

Довольно спорным остается вопрос о местонахождении княжеского стола. Само выражение «сѣде на столе» можно рассматривать как непосредственное сидение князя на троне, который по аналогии с византийской церковной традицией находился в храме [1, с. 272–274]. С другой стороны, данное выражение могло означать занятие князем детинца – княжеской резиденции, на что указывает сообщение ПВЛ о посажении на стол Святослава Ярославича в княжеской резиденции в Берестове [9, Стб. 182; 4, с. 30–33]. Действительно, летописный термин «стол» в некоторых случаях имел символическое значение (например, «нам жаль отня стола»), однако, следует согласиться с исследователями, которые считают, что стол являлся реальным объектом, а церковный обряд настолования – центральной процедурой интронизации.

Согласно археологическим исследованиям Полоцка последних десятилетий, следует констатировать, что на территории Верхнего Замка в отличие от полоцкого городища культурные напластования XI – XIII вв. небольшие по мощности и не выделяются разнообразием артефактов. В XI в. Верхний замок с собором Св. Софии приобретает функцию христианского сакрального центра и используется для административно-церемониальных действий [13, с. 39–40]. Таким образом, Верхний замок, с центральной архитектурной доминантой – собором Св. Софии – в представлениях населения города рассматривался исключительно как культовый и религиозный центр, сохранивший свой сакральный статус с дохристианских времен. По нашему мнению, богослужение во время церемонии интронизации и обряд настолования происходили именно в Софийском соборе.

Свидетельством этого, является роль культа Св. Софии в жизни древнерусских городов: Полоцка, Киева, Новгорода. Софийские соборы получили посвящение высшей религиозной концепции, которая воплощалась в идее шествия государства по пути христианской Истины [16, с. 81–82]. Первый Софийский собор строится в Константинополе (532 г.) в период правления императора Юстиниана (527–565). В это время идеи софийности отводится главная роль в обосновании теократической концепции императорской власти как имитации власти Бога. По аналогии с Юстинианом, строитель киевской Софии, князь Ярослав Владимирович, также стремился возвысить значение великокняжеской власти, величие государства и его

³ Полоцкий князь в 1151 – 1159 гг.

столицы. Так, строя собор святой Софии в Киеве, великий князь Ярослав Владимирович, имел претензии на гегемонию Киева не только в восточнославянских землях. Основная цель строительства собора – концепция «Нового Иерусалима», который воспринимался как христианский центр Мира [17, с. 137].

В восточнославянской традиции таким центром Мира считался Константинополь, откуда на древнерусские земли пришло христианское учение. В свою очередь Константинополь в византийской традиции отождествлялся с Иерусалимом. Кафедральный собор святой Софии в Константинополе должен был соответствовать Иерусалимскому Храму, а императорский дворец – дворцу Соломона [18, с. 95]. Вместе с тем, подражание идее «Второго Иерусалима» была воспринята другими христианскими народами и государствами. Для данного явления был определен специальный термин – «translation Hierosolymi». На территории Восточной Европы «Константинопольский образец», а через него – претензии на роль «Второго Иерусалима» высказывал Киев. Также абсолютно верной мыслью является тезис о том, что Новгород и Полоцк, где вслед за Киевом были построены Софийские соборы, подражали идее центра христианского Мира у своего политического оппонента [19, с. 6].

Таким образом, концепция богоизбранности княжеской власти с сакральным центром в храме Св. Софии нашла воплощение в Полоцкой земле, а идея Софийского собора как главного храма земли непосредственным образом способствовала определению места интронизации князя.

Так, про размещение княжеского стола в новгородском Софийском соборе свидетельствует сообщение Ипатьевской летописи за 6686 (1178) г.: *«пришедиоу ємоу (Мстиславу Ростиславичу – Ю.К.) к Новоугородоу . и оу срѣте єспѣ сѡкрѣтъ . и с Новгородци . и игоуменъ . и вси вшедше во стѡбую Софью и поклонишася . стѡму Спѡу и стѣи Бѣи . и стѣде на столъ дѣда своего . и вѣцъ своего.»* [10, с. 417], а также НЛ за 6707 (1199) г.: *«И по сихъ прииде князь Святославъ в Новѣгород , сынъ Всеволожь , внукъ Юрьевъ, генваря въ 30 , и посадиша и на столъ въ святѣи Софѣи , и обрадовася всѣ Новѣгород .»* [20, с. 238–239]. О местонахождении княжеского стола в киевской Софии говорят летописные сообщения 6658 (1150) г.: *«поиди же къ стѣи Софѣи . (кияне обращаются к Изяславу Мстиславичу – Ю.К.) сади на столъ вѣцъ своего и дѣда своего .»* и 6702 (1194) г.: *«Рюрикъ же вшедь во стѡбую Софью . и поклониса стѡму Спѡу и стѣи Бѣи . и стѣде на столъ дѣда своего . и вѣцъ своего . славою и сѣ чѣтью великою .»* [10, Стб. 397, 681]. Учитывая исключительную роль собора Св. Софии для репрезентации княжеской власти в восточнославянских землях, с большой долей уверенности можно утверждать о Полоцкой Софии как непосредственном месте возведения князя на престол. Про Верхний Замок как центральное место княжеской интронизации в первой половине – середине XI в. свидетельствует наличие деревянного храма, предшествовавшего каменному собору Св. Софии [21, с. 64].

Завершающей процедурой обряда интронизации были действия, связанные с занятием княжеского двора, которые, по всей вероятности, сопровождалась раздачей княжеских даров. В качестве резиденции полоцких князей Рогволодовичей с начала XI в. выступало полоцкое городище [13, с. 33].

Одной из особенностей обряда интронизации в Полоцке, была процедура заключения договора между князем и полочанами. В XI – XII в. на древнерусских землях договор приобретает христианскую форму «крестоцелования». О заключении договора («ряда») между вече как институтом власти Полоцкой земли и отдельными князьями Рогволодовичами свидетельствуют сообщения Ипатьевской летописи.

Так, во время повторного вокняжения в Полоцке Рогволода Борисовича (1159) г. происходит заключение крестного целования между полочанами и князем: *«да аще ныне помянеши всего того иже створихом своимъ безумиемъ и хрестъ к нам целуеши то мы людие твое а ты еси нашъ князь... Рогволодъ же целова к нимъ хрестъ на томъ яко не помянути ему всего того и отпусти я въ свояси и бяху приятели Ростиславу от Полцанъ оже хотяти и яти»* [10, Стб. 495]. В 1151 г. аналогичный договор в форме крестного целования полочане заключали с Ростиславом Глебовичем [10, Стб. 494]. Договор между полочанами и князем заключался в 1167 г., когда полоцкое вече признало законным правителем Володаря Глебовича (1090-е – после 1067): *«Володаръ вниде в Полтеск и целова хрест с полтъцаны»* [10, Стб. 526]. Согласно процедуре крестоцелования, полоцкий князь обязался принимать условия договора, который предоставлялся полочанами. При несоблюдении условий договора князя лишали власти и изгоняли из города.

При анализе церемонии древнерусской интронизации, довольно распространенной точкой зрения является тезис о преимущественно византийском характере данной традиции, принесенной на земли Руси Владимиром в конце X в. [1, с. 274; 2, с. 142; 3, с. 120]. При этом, как справедливо отмечает К.С. Гвозденко, не учитываются славянские параллели обряда княжеского наставления [4, с. 33–35]. Располагая сведениями об основных этапах церемонии интронизации в Древней Руси, целесообразно сравнить древнерусский обряд с византийской традицией и выделить собственно византийские (заимствованные) и славянские (местные) черты этого обряда.

Церимониал коронации византийских императоров был детально описан в середине X в. византийским правителем Константином Багрянородным (905–959) в произведении «О церемониях Византийского двора» (Περὶ τῆς Βασιλείου Τάξεως).

Император, одевшись в пурпурные одеяния выходит из большого зала дворца Дафны и направляется к Анаподу (одному из первых залов в императорском дворце). В Анапode его встречают патрикии, провозглашаются первые почести императору. Затем, процессия движется к Большой консистории (зал для официальных приемов в большом дворце), где также проходит чествование правителя. После этого процессия направляется в храм Св. Софии. В храме император поднимается на Амвон. Патриарх читает молитву над императорской хламидой, после чего ее надевали на императора. Патриарх читал молитву над императорским венцом и собственноручно под всеобщий возглас молитвы «Слава Господу в вышних и мир на земле», а затем «многие, многие лета великому василевсу и владыке», возлагал ее на императора. После этого, сидя на троне, император принимал поклонения высших византийских сановников [22, с. 77–78].

Учитывая, в целом, характерную для средневековья практику «*imitatio imperii*», следует отметить, что древнерусский обряд интронизации в сравнении с византийским был значительно упрощен и не предусматривал процедур со сложным придворным этикетом.

Из безусловно византийских черт древнерусского обряда, можно выделить торжественную встречу князя (которая на Руси происходит за пределами города), его прославление, а также богослужение в соборе Св. Софии. Наконец, сама идея софийности имеет непосредственную аналогию с Византией и возведение правителя на княжеский стол в храме является отражением византийской интронизационной традиции. Древнерусские летописи не упоминают инсигний княжеской власти, которые присутствовали у византийского императора: царские одежды и венец. По мнению В.М. Рычки, отсутствие знаков власти было обусловлено тем, что их использование являлось настолько очевидным, что не вызывало внимания летописцев [15, с. 12–13]. Тем не менее, вопрос о наличии в домонгольский период инсигний власти наподобие византийских остается открытым.

Почти весь византийский церемониал интронизации происходит в храме Св. Софии. В свою очередь, в восточнославянских землях отдельное значение имеют действия, связанные с княжеской резиденцией – пир на княжеском дворе и раздача даров. Ритуал пира и наделения дарами выступают как единая составляющая общей церемонии. В традиционном обществе пир – один из существенных способов объединения людей в коллектив, а также способ поддержания мира и общественного благосостояния [23, с. 359]. Главным пунктом пира с участием князя, было наделение последним дарами своих подданных. Подарки князя населению способствовали повышению социального престижа правителя и тем самым являлись источником его легитимации. Институт даров и дарообмена имеет корни в дохристианском обществе. Наделение человека даром основывалось на принципе взаимности: всякий подарок предусматривал необходимую компенсацию. Человек, получив дар и не отвечая на него собственным даром оказывался в подчиненном состоянии по отношению к дарителю [23, с. 129]. Раздача князем даров во время заключительной части церемонии на княжеском дворе выглядит вполне закономерным явлением с точки зрения утверждения им своей функции как подателя общественного благосостояния. Впервые, о раздаче материальных ценностей во время интронизации сообщает ПВЛ при вокняжении в Киеве Святополка: «*Стѣполкъ же вканныи нача княжити Къѣвъ . Созвавъ люди нача давати вѣгъмъ корзна . а другъмъ кунами . и раздае множьство*» [9, Стб. 140]. В 1159 г., с целью сохранения своего властного статуса, полоцкий князь Ростислав Глебович дает дары полочанам: «*и матежь быс великъ в городъ въ Полчахъ мнози бо хотаху Рогъволода . вѣда же оустанови людье Ростиславль и ударивъ многъми дарми и води а къ хусъ*» [10, Стб. 494].

Таким образом, ритуал пира и наделения дарами являлся одной из важнейших процедур в коммуникации князя с населением. Наделение дарами повышало престиж князя как гаранта общественного благосостояния и способствовало легитимации его властных функций. Символичным являлось осуществление этих действий на территории детинца, в случае Полоцка – древнем городище, своеобразном «княжеском пространстве» и месте концентрации верховной власти.

В Полоцком княжестве одним из местных, славянских, элементов интронизации, была процедура договора между населением города и князем. Договором в «Сказании о призвании варягов» объясняется возникновение власти Рюрика и установление княжеской династии в Ладоге и Новгороде [24, с. 190–200]. Договорной характер власти, ядром которого является «ряд» князя с нобилитетом (или шире – населением города), предусматривал обоснование легитимности княжеской власти – «княжить» и «володеть по ряду», «по праву» [25, с. 744]. В христианские времена договор – «ряд» – приобретает форму крестного целования и становится распространенным явлением в политических отношениях.

Существенным отличием восточнославянской традиции обретения власти от византийских интронизационных практик, является значительное внимание к принципу наследования власти в Древней Руси. Так, в Ипатьевской летописи за XI – XII вв. из 53 упоминаний княжеского стола, в 40 случаях акцентируется внимание на том, что это «*стол отни*», или «*отни и дедни*». В двух сообщениях о посажении на стол в Полоцке, этот принцип наследственности также подчеркивается. Особенно ярко он наблюдается в сообщении от 1159 г.: «*и вниде Рогъволодъ Полотьску мѣца июла . и съде на столъ дѣда своего . и вѣца своего*» [10, Стб. 493]. В восточнославянском обществе, концепт родovitости является одним из основных маркеров княжеского достоинства. Князем в Древней Руси мог стать только представитель династии Рюриковичей, а представления о чрезвычайной важности родовых связей являются одними из главных в общественном сознании. Князя в глазах общества (как летописцев, так и обычного населения), характеризовали не

только его личные достижения, но и достижения его предков. И, соответственно, достоинством врожденного правителя князь обладал вследствие принадлежности к правящему роду [26, с. 157–159].

Полоцкие князья Рогволодовичи, имея достаточно крепкие родственные связи с представителями династии Рюриковичей, с первой четверти XI в. выделяются в отдельную княжескую линию, которая на протяжении столетия превращается в полноценную династию. Главным показателем существования таковой было право владения Полоцкой землей. Это право Рогволодовичей на власть было закреплено в формуле: «*столь дѣда своегъ. и ѿца своего*». Наследный принцип легитимности не отдельного князя, а всего княжеского рода сохранялся в Полоцком княжестве на протяжении XI – XII вв.

Восточнославянский концепт княжеской родовитости существенно отличался от византийских представлений об императорской власти. В Византии смена императорских династий и самих императоров происходила довольно часто, и государственно-политическая идеология империи не придавала принципиального значения основам наследственности верховной власти.

Заключение. Подводя итоги обряда интронизации полоцких князей, следует отметить следующее.

Обряд интронизации в Древней Руси фиксируется с конца X в. и связан с принятием и распространением христианства киевским князем Владимиром Святославичем. Уже с первой половины XI в. наличие княжеского стола и, соответственно, церемонии на stolования являются показателем политической самостоятельности отдельных княжеств – Черниговского и Полоцкого. Упоминания о посажении князя на стол в Полоцке в 1044 г. говорит о раннем выделении Полоцкой земли с правящей в нем династии Рогволодовичей в отдельное государственное образование. Начало существования обряда интронизации в Полоцке следует относить к первой четверти XI в., когда город выходит из зоны влияния Киева, приведя к власти собственную династию Рогволодовичей, правящую на протяжении столетия.

Обряд интронизации в Полоцкой земле осуществлялся в соответствии с общей политической традицией Древней Руси и по церемониалу совпадает с обрядом на stolования в Киеве и Новгороде. В Полоцке он включал торжественную встречу князя за пределами города, богослужение в Софийском соборе с посажением князя на престол, пир и раздачу даров в княжеской резиденции на городище. Одной из особенностей полоцкого обряда интронизации было заключение соглашения между полочанами и князем в форме крестоцелования: о существовании данной процедуры известно с середины XII в.

Обряд интронизации в Древней Руси и Полоцком княжестве отражает византийские идейные конструкции – торжественную встречу князя населением, богослужение и посажение на стол в храме Св. Софии. Также, в обряде четко прослеживаются местные, вероятно, еще дохристианские черты – принцип родовитости, договорный характер власти, институты пира и дара.

ЛИТЕРАТУРА

1. Poppe, A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus / A. Poppe // The 17-th International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. – Washington, 1986. – P. 272–274.
2. Толочко, А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология / А.П. Толочко. – Киев : Наук. думка, 1992. – 224 с.
3. Ричка, В. «Владимиръ на столѣ» (Обряд інтронізації в Київській Русі) / В. Ричка // Ruthenica. – Київ, 2007. – Т. VI. – С. 118–127.
4. Гвозденко, К.С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период / К.С. Гвозденко // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 1. – С. 17–35.
5. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX – XIII вв.) / Г.В. Штыхов – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с.
6. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыя-культурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў : УА «МДУ імя А.А. Куляшова», 2003. – 324 с.
7. Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Э. Благова [и др.] ; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Рус. яз., 1994. – 842 с.
8. Русь в IX – XI веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н.А. Макаров. – М. ; Вологда : Древности Севера, 2012. – 496 с.
9. Полное собрание русских летописей : в 44 т. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1926 – 1928. – 379 с.
10. Полное собрание русских летописей : в 44 т. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 638 с.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия : в 5 т. / под ред. Т.Н. Джаксон [и др.]. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – Т. V.: Древнескандинавские источники. – 512 с.
12. Полное собрание русских летописей : в 44 т. – Т. 6.: Софийские летописи. – СПб., 1853. – 360 с.
13. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX – XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
14. Кучкин, В. Своя рубашка ближе к телу. Древнерусские княжества IX – XIII вв. / В. Кучкин // Родина. – 2002. – № 11–12. – С. 38–41.
15. Ричка, В. Церемоніали та обряди княжого двору середньовічного Києва / В. Ричка // СОЦІУМ. Альманах соціальної історії. – Київ, 2008. – Вип. 8. – С. 9–20.
16. Лаврецкий, Г. София – Премудрость Полоцкая / Г. Лаврецкий // Родина. – 2007. – № 6. – С. 81–82.

17. Данилевский, И.Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? / И.Н. Данилевский // Одиссей: Человек в истории. – М., 1998. – С. 137–139.
18. Ричка, В.М. Київ – Другий Єрусалим (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі) / В.М. Ричка. – Київ : Ін-т історії України НАН України, 2005. – 243 с.
19. Марзалоук, І. Гістарычная самаідэнтыфікацыя насельніцтва Беларусі ў XI – XVII стст. // Гістарычны альманах. – Гародня, 2001. – Т. 5. – С. 3–22.
20. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 576 с.
21. Дук, Д. “Святая София о седми версах”. Храм в Полоцке от деревянного – к каменному / Д. Дук // Родина. – 2007. – № 6. – С. 63–67.
22. Памятники византийской литературы IV – IX веков. – М. : «Наука», 1969. – 480 с.
23. Словарь средневековой культуры / Под. ред. А.Я. Гуревича. – М. : “Рос. полит. энцикл.”, 2003. – 632 с.
24. Мельникова, Е.А. «Ряд» легенды о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии / Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин // Древняя Русь и Скандинавия : избр. тр. – М. : Русский Фонд Содействию образования и Науке, 2011. – С. 190–200.
25. Мельникова, Е.А. Сказание о призвании варяжских князей / Е.А. Мельникова // Древняя Русь в средневековом мире : энцикл. / Ин-т всеобщей истории РАН ; под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. – М. : Ладомир, 2014. – С. 743 – 745.
26. Долгов, В.В. Быт и нравы Древней Руси. / В.В. Долгов. – М. : Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.

Поступила 12.11.2020

**CORONATION RITE IN POLOTSK
(IN THE CONTEXT OF THE CEREMONIAL RITE OF ANCIENT RUS')**

Ju. KEZHA

On the basis of the chronicle reports on the enthronement ceremony in Ancient Rus', the procedure for occupying a princely table in the Polotsk land is considered. It is concluded that the enthronement of the Polotsk princes was carried out in accordance with the general political tradition of the Old Russian lands and, according to certain ceremonial actions, coincides with the ritual of enthronement in Kiev and Novgorod.

Keywords: *princely power, princely table, enthronement, Ancient Rus', Polotsk.*